

Чунён Ан

Между людьми. Том 1

Чунён Ан

Между людьми. Том 1

<https://litres.ru/74363754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кан Ханыль тридцать пять. Она ветеринарный хирург, разведена, платит ипотеку за квартиру и мечтает только о тишине. Но в старом родительском доме, куда она переехала, тишины нет: в сарае обнаруживается гоблин Ток-Су, который двадцать лет чинил отцу проводку. А затем появляется девятихвостый лис Со Гым-Хо — владелец сети ресторанов, уверенный, что ёкаям пора выходить из тени. И что Ханыль, слышащая язык мифических существ, — его главный шанс.

Ей не нужны приключения. Ей нужно выплатить долг, пережить предательство и научиться заново доверять хотя бы себе. Но у консерваторов и просто уставших от людского мира существ свои планы. А мир, где монстры болеют, стареют, оказывается не таким уж чужим. Иногда он даже понятнее человеческого.

«Между людьми» — история о женщине, которая не хотела быть особенной, но стала своей среди тех, кто веками притворялся кем-то другим. И о том, что иногда лучший способ исцелить себя — начать лечить других, даже если у них хвост и девять жизней.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	25
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чунён Ан

Между людьми. Том 1

Пролог

Вещи покойных не скрипят

Кан Ханыль ненавидела переезды. Не из-за тяжести коробок или пыли, въедающейся в носоглотку, а из-за того, что вещи покойных родителей не пахли ничем, кроме нафталина и старой бумаги. Они не кричали, не обвиняли, не плакали. Они просто лежали, тупые и равнодушные, как камни на могиле. И это равнодушие бесило её больше всего.

Она поставила последнюю коробку с кухонной утварью на шаткий стол в гостиной и выпрямилась, уперев руки в поясицу. Тридцать пять лет. Хирург. Разведена. Бездетна. Владелица обветшало-го родительского дома в старом районе Тоннэ-гу, который риелторы стыдливо называли «исторической застройкой», а местные — «деревней внутри города». Переулки здесь были такими узкими, что фургон с мебелью пришлось оставить за два квартала и таскать коробки вручную. Спасибо хоть соседская ребятня согласилась помочь за пару купюр. Дети в этом районе всё ещё интересовались наличными, а не виртуальными кошельками — аналоговый мир, чтоб его.

Ханыль прошлась по комнатам, автоматически отмечая фронт работ: проводка старая, но держит; крыша протекает в углу веранды; в ванной пахнет сыростью и мышиным помётом. Отец, Царствие ему Небесное, всегда говорил: «Дом — это не стены, дом — это непрекращающийся ремонт». Она горько усмехнулась. Отец был мудрым человеком. Правда, к концу жизни его мудрость свелась к коллекционированию сломанных радиоприёмников и нежеланию менять прогнившие половицы. «Вещи должны стареть вместе с хозяином», — говорил он. Что ж, теперь хозяина нет, а вещи остались. Типичное предательство материального мира.

Она остановилась у старого комода матери — громоздко-го, покрытого тёмным лаком, с бронзовыми ручками в виде виноградных листьев. Выдвинула верхний ящик. Оттуда пахло лавандой и фотографиями. Вот она, первокурсница, стоит с дурацкими бантиками, держит в руках уведомление о зачислении на ветеринарный факультет Сеульского национального. Глаза горят, улыбка до ушей — идиотка, которая ещё верит, что мир состоит из благодарных пациентов и справедливых преподавателей. Ханыль захлопнула ящик резче, чем требовалось. ОТ бантиков она избавилась на втором курсе. Вместе с иллюзиями.

- Самоедство — это медленное самоубийство в рассрочку. Я не настолько богата, чтобы позволить себе кредит на страдания, — пробормотала она вслух. Голос в пустом доме прозвучал глухо, словно стены впитали его и не вернули

обратно. Это было хорошо. Тишина — лучший собеседник. Она не перебивает, не врёт и не подаёт на развод в тот момент, когда ты лежишь в больнице после выкидыша.

Воспоминание о бывшем муже скользнуло по краю сознания, как осколок стекла — вроде и не глубоко, а кровь идёт. Она мотнула головой. Нет. Эту рану она уже обработала, наложила хирургические скобки цинизма и замотала бинтами рабочей занятости. Сойдёт. В полевых условиях живут и не с такими травмами.

Сад встретил её запахом прелой листвы и переспелой хурмы. Старое дерево у забора всё ещё плодоносило — значит, корни целы. Ветеринарный взгляд автоматически оценил состояние растения: живое, но запущенное. Как и весь этот дом. Как и она сама.

Сарай стоял в глубине двора, примыкая к каменной ограде. Маленькое строение из потемневшего дерева, с покатою крышей и единственным подслеповатым окошком. Отец держал там инструменты — молотки, пилы, рубанки, весь тот арсенал мужского «всё починю», который после его смерти оказался никому не нужен. Ханыль подошла ближе и нахмурилась. Дверь была приоткрыта.

По документам дом опечатали после похоронной суеты почти год назад. Никто не должен был сюда заходить. Однако щеколда висела свободно, замок болтался на своей дужке, а дверные петли — она это отметила с профессиональной дотошностью — были смазаны. Свежее масло, даже не

загустело.

Она толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло деревом, металлом и чем-то ещё — едва уловимым, пряным, словно сушёные травы. И чистота. Безупречная чистота. Ни паутины под потолком по углам, ни мышинного помёта на полу. Инструменты разложены на верстаке в порядке, вызывающем у Ханьль невольное уважение: гаечные ключи по размеру, отвёртки от плоских к крестовым, стамески лезвиями в одну сторону. Так раскладывают инструменты только двое: хирурги перед операцией и психи, помешанные на порядке.

В углу верстака стояла глиняная плошка с засохшим рисом. Обычная кухонная утварь, какую мать использовала для соусов. Только рис был старым, спекшимся в монолит, с вмятинами, словно кто-то маленький брал его пальцами. Ханьль присела на корточки, рассматривая плошку. Не крысы. Крысы сожрали бы всё подчистую и обоссали углы. Здесь же — порядок, граничащий с ритуалом. Кто-то не просто жил в сарае, кто-то его «содержал».

— Бомж с обсессивно-компульсивным расстройством? — пробормотала она. — Или соседский кот-интеллигент.

Ни то, ни другое не вызвало желания разобраться прямо сейчас. Завтра у неё сложная операция — удаление селезёнки у таксы с подозрением на онкологию. Хозяева рыдают, собака страдает, а врач должен быть собран и спокоен, как хорошо смазанный механизм. Всё остальное — потом.

Она плотно закрыла дверь сарая, защелкнула замок и для верности припёрла дверь внизу старым кирпичом. Вечерело. Длинные тени от хурмы ползли по двору, словно пальцы усталого великана. Ханыль вернулась в дом, включила старый радиоприёмник (отцовский, ламповый, ловящий только государственный канал и помехи), заварила лапшу быстрого приготовления в чашке из-под сувенирного набора «Чеджудо 1995» и села за кухонный стол.

На столе лежала медицинская карта таксы. Снимки УЗИ — размытые, сделанные на аппарате, который помнил ещё доктора Чона в молодости, — не давали полной картины. Только руки, глаза и опыт. Ханыль это устраивало. Машины ошибаются реже людей, но людям хотя бы можно посмотреть в глаза перед тем, как они ошибутся.

Радио тихо нашёптывало прогноз погоды. Завтра дождь. Отлично, таксе будет легче после операции — влажность снижает болевой порог. Или она это только что придумала для самоуспокоения. Ханыль хмыкнула, записала в блокнот расчёт дозы анестезии (поправка на возраст, поправка на вес, поправка на «хозяева утверждают, что собака не ест ничего, кроме куриной грудки, но я знаю, что таксы жрут всё, что не приколочено»), отложила ручку и пошла стелить постель.

Старая родительская спальня встретила её шкафом с бельём, пахнущим лавандой, и акварелью на стене — мать когда-то рисовала море. Море получилось спокойное, сине-серое, без кораблей и чаек. Просто вода и горизонт. Ханыль

долго смотрела на картину, прежде чем погасить свет. Родители погибли в аварии три года назад. Грузовик со стройматериалами, мокрый асфальт, отказ тормозов. Буднично, глупо, несправедливо. Спустя два месяца после их смерти бывший муж сообщил, что уходит к другой, и потребовал раздела имущества. Ещё через месяц — выкидыш. Срок был маленький, она даже не успела привыкнуть к мысли о материнстве, но тело запомнило. Тело вообще помнит всё, даже когда мозг пытается стереть файлы.

- Справедливость — это абстракция, придуманная сытыми философами. В реальности существует только причинно-следственная связь и умение вовремя уклоняться, — сказала она темноте и закрыла глаза.

Сон пришёл быстро — спасибо физической усталости. Без сновидений, без образов, просто чернота.

А потом пришёл звук.

Скрип. Пауза. Скрип.

Ханыль открыла глаза не сразу. Мозг, привыкший к ночным вызовам в клинику, сначала проанализировал входящий сигнал: не телефон (телефон молчит), не дверь (звук легче, чем дверной), не крыса (крысы не скребут с интервалом в три секунды, они суетятся без перерыва). Кто-то скрёбся в дверь сарая. Вежливо. С методичностью метронома.

Она села на кровати, вслушиваясь. Ночь за окном была плотной, как чёрная вата, — уличные фонари в этом районе не меняли со времён Олимпиады-88 и светили исключительно

но в память о своих былых заслугах. Сарая видно не было, но звук доносился именно оттуда.

А потом раздался голос.

Он был тонкий, словно натянутая струна, и в то же время отчётливый, каждое слово — как укол иглы:

— Доктор, вы закрыли дверь. Мне нужно забрать свои инструменты. Это невежливо.

Ханыль замерла. Голос звучал внутри головы, но не как мысль — как звук, у которого просто не было внешнего источника. И главное — он говорил на Всеобщем.

Том самом языке, который она впервые услышала в двадцать лет, на третьем курсе, когда старая безумная старуха с ветеринарной практики схватила её за руку и прошипела проклятие, после которого мир зазвучал иначе. Всеобщий не походил ни на корейский, ни на английский, ни на любой другой человеческий язык — он напоминал смесь птичьего щебета, кошачьего мурлыканья и того невнятного бормотания, которое слышишь, когда засыпаешь. Но Ханыль его понимала. Понимала каждое слово. И долгие годы убеждала себя, что это — последствие хронического недосыпа, стресса и наследственной мигрени.

Сейчас, в три часа ночи, в пустом родительском доме, эта теория показалась ей немного шаткой.

— Переутомление, — сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. — Клинический случай. Завтра попрошу у Чона рецепт на транквилизаторы.

Голос снаружи замолчал, словно услышал её. Потом добавил — уже тише, с нотками обиды:

— Я подожду до утра. Но инструменты — это святое.

Ханыль перевернулась на другой бок, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Её бабушка когда-то говорила: «Если ночью слышишь голоса — не отвечай. Ответишь — признаешь их реальность». Бабушка была мудрой женщиной, хоть и выжила из ума к восьмидесяти. Ханыль решила последовать совету и не признавать.

Утро вползло в дом серым, водянистым светом. Дождь обещанный так и не начался, но небо набухло, как синяк, и воздух пах озоном. Ханыль проснулась, сварила кофе (растворимый, потому что турку она ещё не распаковала), натянула старый свитер и вышла во двор.

Первое, что она увидела — плошка. Та самая глиняная плошка, которую вчера она оставила в сарае с засохшим рисом, теперь стояла на крыльце дома. А в ней — горка свежего, рассыпчатого риса и аккуратный кусочек вяленой рыбы. Рис ещё тёплый.

Ханыль замерла с чашкой кофе в руке. Хирург внутри неё немедленно начал анализ: следов на влажной земле нет (ночью моросило, земля мягкая), кирпич у двери сарая отодвинут (аккуратно, не отброшен), дверь прикрыта, открытый замок снова висит на дужке. А на крыльце — подношение. Или улика. Или приглашение к диалогу.

— Сумасшедший дом, — констатировала она, поднимая

плошку. Рис был сварен правильно — рассыпчатый, ни капли лишней влаги. Так его готовила мать. Ханыль помнила вкус. — Ладно. Допустим, у меня завёлся сосед. Сосед, который готовит рис, смазывает петли и раскладывает гаечные ключи по ранжиру. В моём мире это тянет на идеального мужчину, что автоматически означает подвох.

Она отнесла плошку в дом, поставила на кухонный стол и задумалась. У неё было два варианта: вызвать полицию (но что она скажет? «Офицер, кто-то оставил мне рис и рыбу, это вторжение или сервис доставки?») или разобраться самой. Второй вариант нравился ей больше — по той простой причине, что полиция в её жизни уже была, когда бывший муж пытался отсудить родительский дом на основании «совместно нажитого имущества». Полиция тогда развела руками, а адвокат мужа развёл её на нервный срыв. Нет уж, с людьми она дел иметь не хочет. А с тем, кто оставляет тёплый рис на крыльце, — пожалуй, можно и поговорить.

Весь день в клинике прошёл в тумане рутины. Операция у таксы прошла штатно: селезёнка удалена, метастазов не обнаружено, собака очнулась от наркоза с выражением крайнего недоумения на морде. Ханыль понимала это выражение. Сама она последние двенадцать часов тоже пребывала в крайнем недоумении.

После смены она заехала в хозяйственный магазин и купила новый набор шлифовальной бумаги и банку машинного масла. Повинуясь какому-то иррациональному импульсу.

«Если уж мой сосед — мастер на все руки, пусть у него будут расходники», — подумала она и тут же одёрнула себя. Во-первых, никакой он не «сосед». Во-вторых, она не собирается поощрять вторжение в частную собственность. В-третьих, она сама себе противоречит, и это признак надвигающегося рецидива глупости.

Дома она поставила масло и наждачку на верстак в сарае, аккуратно, этикетками наружу. Рядом положила записку на корейском: «Инструменты смазывать раз в месяц. Дверь за-пирать на щеколду». Подписываться не стала. Если адресат существует — поймёт. Если нет — значит, она просто разговаривает с пустым сараем, и пора записываться к психотерапевту.

Ночь наступила быстрее, чем она ожидала. Дождь наконец пролился — ровный, монотонный, как белый шум в наушниках. Ханыль не ложилась. Она сидела на кухне с выключенным светом, пила третью чашку кофе и смотрела в окно. Термос с горячим чаем, фонарик, тёплая куртка — она подготовилась, как к ночному дежурству. Только пациент на этот раз был не четвероногий, а... какой? Она не знала. И это её интриговало.

Где-то в половине двенадцатого дождь стих, оставив после себя запах мокрой земли и хурмы. А потом она услышала шаги. Лёгкие, дробные, словно по гравию шёл некто размером с трёхлетнего ребёнка. Калитка не скрипнула — значит, вошёл не через неё. Может, через лаз в ограде? Ханыль

напрягла зрение, но фонари на улице по-прежнему играли в молчанку.

Из кустов у забора вынырнула фигура. Маленькая. Очень маленькая. Ростом примерно по пояс взрослому человеку. В свете луны, пробившейся сквозь облака, Ханыль разглядела существо, одетое в крошечный рабочий комбинезон с множеством карманов. На голове у него сидела налобная лампа — самая настоящая, с лампочкой накаливания, отбрасывающая жёлтый круг света. В одной руке существо держало ящичек с инструментами, в другой — складной метр. Оно деловито протопало к сараю, остановилось у двери, заметило, что кирпич убран, и удовлетворённо кивнуло.

Ханыль бесшумно выскользнула на крыльцо. Кофе она оставила в доме — кофеин в крови и так зашкаливал. Подошла ближе, стараясь держаться в тени хурмы. Существо тем временем поставило ящик на землю, выудило из кармана ключ — самый обычный металлический ключ на верёвочке — и открыло сарай. Внутри зажёгся свет: там, оказывается, была лампочка. Ханыль готова была поклясться, что ещё вчера она висела без плафона и не включалась. Но сейчас сарай светился, как операционная.

— Добрый вечер, хозяйка, — раздался голос из сарая. — Вы, должно быть, дочь старого Кана. Прошу прощения за ночной шум. Я стараюсь не беспокоить, но работа мастера, увы, не всегда укладывается в дневные часы.

Ханыль не ответила. Не потому, что растерялась (хотя

растерялась, конечно), а потому, что голос опять звучал на Всеобщем. И она снова понимала каждое слово. Существо говорило свободно, с каким-то старомодным изяществом, как говорят люди, выучившие язык по книгам, а не по живому общению.

— Я знаю, что вы здесь, — продолжал голос. — От вас пахнет кофе и антисептиком. Прекрасное сочетание, между прочим. Гораздо лучше, чем запах смерти, который витал здесь после похорон вашего отца. Заходите, не стесняйтесь. Я как раз собираюсь смазывать стамески. Ваш подарок весьма кстати.

Ханыль выдохнула и шагнула к двери сарая. В голове крутилась фраза, которую она когда-то прочитала у какого-то европейского психолога: «Если вы столкнулись с необъяснимым — ведите себя так, будто оно объяснимо. Это сохранит вам рассудок». Или это не психолог, а бармен в Итхэвоне? Неважно.

В сарае было светло. На верстаке горела лампа, рядом лежали её подарки — масло и наждачка. А на стуле, специально придвинутом к верстаку, стояло существо. Теперь Ханыль могла разглядеть его во всех подробностях.

Ростом оно было примерно сантиметров девяносто, покрыто густой рыжеватой шерстью, напоминающей помесь лисьего меха и кошачьей подпушки. Голова круглая, с широкими скулами и маленьким носом, почти скрытым в меху. Глаза — большие, золотистые, с вертикальным зрачком,

как у ночного хищника, но выражение этих глаз было скорее весело-любопытное, чем агрессивное. На макушке торчали два рога — небольшие, загнутые назад, явно мешавшие надевать налобную лампу, но существо приспособилось: лампа держалась на резинке чуть ниже рогов, отчего весь его облик напоминал старомодного шахтёра, которого уменьшили в четыре раза.

Одет он был в комбинезон из грубой синей ткани, из карманов которого торчали отвёртки, пинцеты, моток проволоки и нечто похожее на вязальный крючок. На ногах — крошечные кожаные башмаки с металлическими носами, сильно поношенные, но ухоженные. На поясе висел настоящий плотницкий ремень с петлями для молотка и стамесок.

— Токкэби? — спросила Ханыль, припоминая бабушкины сказки. Токкэби, духи-гоблины, которые владеют волшебными дубинками, посылают мороки и любят гречневую кашу. Или это другие гоблины? Она уже путалась.

Существо улыбнулось. Улыбка у него была широкая, зубастая, но не угрожающая — скорее, как у дружелюбного пса, который хочет показать, что он не кусается, но зубы у него есть.

— Именно так нас называют люди, — ответило оно. — Хотя сами мы предпочитаем «мастера». Звучит достойнее, не находите? Моё личное имя — Ток-Су, что на старом наречии означает «каменный молот». Но ваш отец звал меня просто Токки. Говорил, что я похож на кролика. Не знаю,

что он находил во мне кроличьего, но переубеждать его было бесполезно. Замечательный был человек, упрямый, как осёл. Царствие ему Небесное, как вы говорите.

Ханыль прислонилась к косяку. Ноги держали, но она чувствовала, что её картина мира только что треснула, как старое зеркало, и из трещины дует сквозняк.

— Вы... вы знали моего отца? — спросила она. Слова вышли на корейском, но Ток-Су, кажется, понял.

— Знал ли я его? — гоблин всплеснул лапками. — Дорогая моя доктор Кан, я знал его двадцать три года! Я знал его лучше, чем он сам себя знал. Я знал, где он прячет записку от вашей матери, я знал, что у него больная печень ещё за три года до того, как врачи поставили диагноз, и я знал, что он тайком подкармливает бродячих кошек за гаражом, хотя громогласно объявлял, что терпеть не может эту «мохнатую заразу». Ваш отец был человеком противоречивым и оттого живым. Я скорблю о нём до сих пор.

Ханыль переварила эту информацию. Получалось, в их доме двадцать три года жило мифическое существо, а она ни сном ни духом. Ладно, она здесь и не жила последние пятнадцать лет — учёба, потом работа, замужество, съёмная квартира в Сеуле. Родительский дом она навещала редко. Но всё же.

— Почему я не знала? — спросила она.

Ток-Су пожал плечами — жест у него получился почти человеческим.

— Вы были ребёнком, потом подростком, потом студенткой, у которой мозг занят исключительно учебой. К тому же вы не видели своего отца в три часа ночи за починкой водопроводной трубы. А если бы видели — что бы вы подумали? Что папа возится с сантехникой. Что он разговаривает сам с собой. Люди вообще крайне редко видят то, что не укладывается в их картину мира. Это не высокомерие, это защитный механизм. Ваш отец, кстати, тоже не сразу меня заметил. Пришлось уронить ему на голову гаечный ключ, чтобы он наконец обратил внимание.

Ханыль невольно хмыкнула. В этом жесте было что-то глубоко отцовское — уронить гаечный ключ, чтобы познаться.

— И вы всё это время жили в сарае?

— Жил и работал, — с достоинством подтвердил Ток-Су. — Ваш отец предоставил мне помещение, инструменты и пропитание — рис, рыба, иногда овощи из огорода. Я взамен чинил всё, что ломалось в доме и в округе. Сантехника, электрика, кровельные работы, мелкая мебельная столярка. Я не берусь только за человеческие болезни и испорченные отношения. Второе — не по моему профилю, первое — вне моей компетенции. Медицина, знаете ли, требует специального образования.

— А вы, выходит, самоучка? — ухватилась Ханыль за знакомую тему.

— О, что вы! — гoblin даже обиделся. — Я потомствен-

ный мастер в девятом поколении. Мои предки чинили ещё мосты в Силла и водяные колёса в Чосоне. Правда, тогда у нас было больше заказов и меньше конспирации. А теперь... — он вздохнул, — теперь всё сложно.

Он аккуратно слез со стула, подошёл к ящику с инструментами и начал выкладывать на верстак стамески. Движения у него были точные, экономные — хирургические. Ханыль отметила это с профессиональным уважением.

— Почему сложно? — спросила она. Любопытство, долго сдерживаемое цинизмом, наконец прорвало плотину.

Ток-Су взглянул на неё поверх налобной лампы. Золотистые глаза блеснули.

— А вы как думаете, доктор? Мир меняется. Люди придумали столько устройств, что мастеров вроде меня почти не осталось. Кому нужен гоблин с молотком, если есть заводской конвейер? Но я не жалуюсь. Я адаптируюсь. В конце концов, в старых домах всегда найдётся работа для того, кто умеет слушать дерево.

Ханыль помолчала. Потом задала вопрос, который жёг ей язык с первой минуты:

— Вы говорите на Всеобщем. Я понимаю вас. Но я никогда не учила этот язык. Я услышала его впервые в двадцать лет и думала, что схожу с ума. Вы знаете, что это за язык?

Ток-Су отложил стамеску и повернулся к ней всем корпусом. Уши его — Ханыль только теперь заметила, что уши у него большие, подвижные, как у летучей мыши, — насторо-

жённо встали торчком.

— Вы Слышащая? — спросил он. В голосе его не было страха, скорее — напряжённый интерес. — Я чувствовал что-то такое, но не был уверен. Старая Ким, та, что жила за холмом и умерла пять лет назад, была Слышащей. Она ненавидела нас. Звала демонами. А вы... вы не похожи на ту, что боится демонов.

— Я не боюсь ничего, кроме кредитов и бывшего мужа, — отрезала Ханьль. — И то второе уже в прошлом. Так что значит «Слышащая»?

Ток-Су вздохнул, присел на край верстака и заговорил — медленно, как рассказывают сказку неразумному ребёнку:

— Давным-давно, когда люди и ёкаи впервые встретились, возникла нужда в переводчиках. Люди не понимали язык зверей, духов и богов, а те не понимали людей. И тогда некоторые люди родились с даром — слышать и говорить на Всеобщем. Он называется «Торговый язык», или «Язык Договора». На нём говорят все существа, когда хотят, чтобы их поняли. Это язык-мост, понимаете? Не магия в вашем понимании, а скорее... общее правило игры. Как английский у дипломатов.

— Я никогда не хотела быть дипломатом, — сказала Ханьль. — Я режу собак и кошек. Иногда хомячков.

— Но дар от этого не исчезает. Старая Ким получила его в детстве и сочла проклятием. Она была верующей христианкой, и все мы были для неё исчадиями ада. Она кричала на

нас, гнала прочь, размахивала крестом. А мы просто пытались договориться о покосе травы на общинном лугу. Представляете?

Ханыль представила. Картина была трагикомичная: толпа мелких духов с косами и граблями, а перед ними — безумная старуха с распятием. Пожалуй, это могло бы стать неплохим анекдотом.

— Вы кому-нибудь рассказывали о своём даре? — спросил Ток-Су.

— Нет. Считала, что это нервное.

— Мудро. В иные времена за такое сжигали. Но сейчас времена другие, а люди те же. Так что продолжайте считать это нервным — для внешнего пользования. А для внутреннего — примите как факт: вы Слышащая. И это делает вас ценным человеком для нашего сообщества.

Ханыль скрестила руки на груди.

— Я не хочу быть ценной для вашего сообщества. Я хочу спокойно работать, платить налоги и дожить до пенсии без приключений.

Ток-Су фыркнул.

— «Дожить до пенсии без приключений», — повторил он. — Знаете, ваш отец говорил то же самое. А потом полез на крышу менять черепицу и сломал ногу. Приключения не спрашивают, хотите ли вы их. Они просто приходят. Особенно если вы живёте в доме, который стоит на перекрёстке путей.

— Что это значит?

— Ничего особенного. Просто старые дома в старых районах часто строят в местах, где границы между мирами тонки. Энергия, так сказать, циркулирует. Никакой мистики, почти физика.

Ханыль посмотрела на гоблина долгим взглядом. Мозг хирурга, привыкший принимать решения в условиях неполной информации, взвесил риски и выгоды. Риски: сумасшествие, опасность, возможные проблемы с «сообществом», о котором упомянул гоблин. Выгоды: дом, который чинят бесплатно, занимательный собеседник, разгадка старой тайны о голосах в голове.

— Ладно, — сказала она наконец. — Вы можете остаться в сарае. Но условия мои. Первое: не шуметь после одиннадцати. Второе: предупреждать меня о любых ремонтных работах, даже если я сплю. Третье: никаких... как вы там сказали? ёкаев? в доме без моего ведома. Четвёртое: площадку с рисом оставлять на крыльце, но не заходить в дом. Я ценю приватность. И пятое: если вы собираетесь ронять мне на голову гаечный ключ — предупредите хотя бы эсэмэской.

Ток-Су выслушал этот список с серьёзным видом, потом слегка поклонился — жест вышел неуклюжим из-за лампы на лбу.

— Принято. Хозяйка вы строгая, но справедливая. Прямо как ваш отец. Только он ещё требовал, чтобы я не трогал его заначку. Но заначки, увы, больше нет.

— Знаю, — сказала Ханыль. — Я нашла её, когда разбирала вещи. Он прятал деньги в книге «Капитал» Маркса. Ирония, которую я оценила только сейчас.

— Ваш отец был человеком с чувством юмора, — согласился Ток-Су. — Жаль, что я не смог присутствовать на его похоронах. Появляться на публике мне, знаете ли, не рекомендуется. Таковы условия Договора.

— Какого договора?

Но гоблин уже отвернулся к верстаку, взял в руки стамеску и принялся методично её затачивать. Разговор явно подошёл к концу.

Ханыль постояла ещё минуту, глядя, как маленькие ловкие пальцы скользят по металлу, потом развернулась и пошла к дому. На полпути обернулась:

— Ток-Су. Спасибо за рис.

Гоблин не ответил, только дёрнул ухом — но Ханыль показалось, что он улыбается.

В доме она налила себе чай, села к окну и долго смотрела на жёлтый прямоугольник света, падающий из двери сарая. В голове шумело. Не от страха — от переизбытка информации.

Итак. Мифические существа реальны. Они живут бок о бок с людьми, чинят трубы и смазывают петли. У них есть свой язык, свои законы и свои невидимые границы. И она, Кан Ханыль, ветеринарный хирург тридцати пяти лет, разведённая, бездетная, циничная до мозга костей, — она яв-

ляется частью этого мира. «Слышащая». Смешно. Когда-то она мечтала понимать животных — и вот, пожалуйста: теперь она понимает не только животных, но и тех, кто даже не считается животными.

«Ветеринар для монстров, — подумала она. — Звучит как название дешёвого фильма ужасов. Но если они платят наличными и не жалуются на счёт — почему бы и нет?»

Чай остыл. Она вылила его в раковину и легла спать. Завтра будет новый день, новые пациенты и, возможно, новые вопросы. Но одно она знала точно: она больше не будет убеждать себя, что голоса в голове — это мигрень.

Потому что иногда голоса в голове — это просто соседи.

Вежливые соседи с гаечными ключами, налобными фонариками и двадцатитрёхлетним стажем ремонта в её родительском доме.

А с соседями, как известно, лучше жить дружно.

Даже если сосед — мифический гoblin.

Глава 1

Дождь, пудель и лиса с претензией

Кан Ханыль проснулась не от будильника, а от того, что кто-то нагло тряс её за плечо и противным голосом, похожим на жужжание рассерженной мухи, повторял:

— Вставай, бездарь. Ты проспала. Пациенты умрут. Ипотека не выплатится. Бывший муж обрадуется.

Она открыла глаза, села в кровати и первым делом с ненавистью посмотрела на механический будильник, который предательски молчал. Завод кончился. Старая отцовская модель «Полет», пережившая трех хозяев и одного гоблина, очевидно, решила, что сыта по горло её бессонницей и взяла отгул.

Вторым делом Ханыль осознала, что голос, разбудивший её, исходил не извне, а изнутри. Это была её собственная мысль, облеченная в форму злобного внутреннего критика. Она потёрла виски, зевнула так, что челюсть хрустнула, и пробормотала:

— Если я начну разговаривать сама с собой вслух, то стану точной копией бабушки, только без её оптимизма. А это уже клиническая депрессия.

Она спустила ноги на холодный пол. Дощатый, нелакированный, скрипучий. Как и всё в этом доме. Отец говорил: «Дом должен дышать, а не лежать под пластиком, как труп в

морге». Ханыль теперь понимала, что имел в виду не только архитектуру, но и всю жизнь в целом.

Дождь всё-таки пришёл. Он не лил, а висел в воздухе мелкой противной взвесью, превращая двор в серую акварель, а настроение — в тугой комок раздражения. Ханыль подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и увидела, что у сарая горит тусклый свет. Ток-Су не спал. Она даже разглядела его сгорбленную фигурку, мелькавшую у верстака. На мгновение её посетила абсурдная мысль: подойти, постучать, спросить, не нужно ли ему масло для лампы. Но она отогнала её. Сначала работа, потом мистика. «Сначала я, все остальные по остаточному принципу» — это было не просто правило, это была конституция её выживания.

Она быстро собралась: старые джинсы, свитер с высоким горлом, волосы в небрежный пучок, который она сама называла «причёска человека, переставшего бояться общественного мнения». На работу — в клинику на другом конце города. В такую погоду общественный транспорт напоминал скотозаготовочный пункт: все толкаются, злятся, кашляют друг на друга. Ханыль предпочла бы ехать на машине, но машина осталась у бывшего мужа по решению суда, а покупать новую она не собиралась из принципа: «Не хочу, чтобы моё финансовое благополучие зависело от бензина и настроения других водителей».

Пока она ждала автобус на остановке, дождь усилился. Зонтик, купленный в переходе за три тысячи вон, предатель-

ски вывернулся при первом же порыве ветра. Ханыль смотрела на его сломанные спицы с философским спокойствием человека, который давно понял: вещи дешевле всего покупать, когда они ломаются, потому что тогда не жалко выбросить.

Автобус подошёл с опозданием на двенадцать минут. Внутри пахло мокрой шерстью, чесноком и чьей-то несостоявшейся карьерой. Ханыль забилась в угол у задней двери, зажав сумку с медицинской картой таксы (той самой, вчерашней) и термосом с кофе. Вокруг неё кипела жизнь: студентки шептались о дорамах, старуха громко обсуждала с кондуктором цены на редьку, пожилой мужчина в кепке читал газету и шевелил губами. Обычное утро. Обычные люди. И никому из них не приходит в голову, что в эту самую минуту в старом сарае на окраине города маленький гoblin точит стамеску и, возможно, готовит ей ужин.

Ханыль усмехнулась про себя. «Ветеринарный врач Кан Ханыль, 35 лет, разведена, бездетна, дружит с гоблином. Идеальная биография для вечернего ток-шоу, если бы меня не интересовало мнение бывшего мужа. Впрочем, его мнение меня не интересует даже в контексте ток-шоу».

В клинику она вошла ровно в 9:23, на двадцать три минуты позже начала смены. Администратор, госпожа Ю, встретила её взглядом, в котором смешались укор и плохо скрываемое любопытство.

— Доктор Кан, вы опоздали. Первый пациент уже ждёт

в смотровой номер два. Это госпожа Хван с Пуделем. Она, кажется, плакала.

— Госпожа Хван всегда плачет, — отрезала Ханыль, стягивая мокрый свитер и натягивая рабочий халат. — Её пудель страдает от собственной красоты, а хозяйка страдает от того, что пудель не аплодирует её самопожертвованию. Клас-сика.

Госпожа Ю поджала губы. Она была из тех людей, которые искренне верят, что вежливость — это единственное, что отделяет общество от хаоса. Ханыль относилась к этой теории скептически: хаос всё равно наступает, просто вежливо.

В смотровой номер два пахло дорогими духами и мокрой собакой. Госпожа Хван сидела на стуле, прижимая к груди карликового пуделя, одетого в вязаную жилетку цвета фуксии. Пудель дрожал, но не от холода, а от осознания собственной ничтожности перед лицом хозяйкиных амбиций. Ханыль это видела сразу: пёс был не болен, он был морально раздавлен.

— Доктор! — воскликнула госпожа Хван, вскакивая. — Мой Бобо! Он не ест! Он отвернулся от еды! Он в депрессии!

Ханыль надела перчатки, взяла пуделя из рук хозяйки и поставила на смотровой стол. Пёс тут же замер, поджал хвост и посмотрел на неё с выражением вселенской тоски, как узник концлагеря, которому сказали, что спасение отменяется.

— Давно он не ест? — спросила Ханыль, ощупывая живот.

— Со вчерашнего вечера! Я давала ему специальный паштет из утки с трюфелем, но он отвернулся. Я думала, он умирает!

Ханыль проверила зубы, дёсны, глаза, послушала сердце. Потом взглянула на карточку: Бобо, возраст три года, вес 2,4 кг. Норма для породы. Но живот был плотный, как набитый барабан.

— Чем вы его кормили до этого?

— Только лучшим! Рис с лососем на пару, куриная грудка, иногда немного творога.

— А клубника? Печенье? Шоколад?

Госпожа Хван отвела глаза.

— Ну... возможно, я давала ему по праздникам... маленький кусочек сыра. Он так смотрит, когда я ем...

— Ясно, — Ханыль сняла перчатки. — У вашего пуделя не депрессия, госпожа Хван. У него запор. Он переел белка и не получает клетчатки. Давайте ему отварную тыкву, кабачок, немного отрубей, и через сутки всё наладится. И не кормите его со стола. Собаки не должны есть человеческую пищу, особенно такую изысканную. Их организм не приспособлен к трюфелям и сыру с плесенью.

— Но он же аристократ! — возмутилась госпожа Хван.

— Аристократы, знаете ли, тоже страдают подагрой, если жрут без меры, — буркнула Ханыль, но тут же взяла себя в руки. — Я выпишу вам диетическую схему. Соблюдайте её хотя бы месяц. Если аппетит не вернётся — приходите.

Госпожа Хван закивала, схватила пуделя и выплыла из смотровой, оставляя за собой шлейф парфюма и невысказанного недовольства. Ханыль проводила её взглядом и мысленно занесла в список «люди, которые считают питомца аксессуаром». Таких было большинство.

До обеда она приняла ещё троих: кота с абсцессом, попугая с подозрением на аспергиллёз и хомяка, которого дети решили покрасить фломастером. Кот царапался, попугай орал, хомяк пах кислотой. К двум часам дня Ханыль была выжата, как губка после мытья посуды. Она сидела в ординаторской, пила уже четвёртую чашку растворимого кофе и смотрела в окно, за которым дождь лил не переставая. Настроение было серым, как небо, и тяжёлым, как мокрый плед.

В дверь постучали.

— Доктор Кан, там пришли без записи. Говорят, срочно. Животное пострадало. Просят вас лично.

Госпожа Ю заглянула в ординаторскую, и по её лицу Ханыль поняла: что-то не так. Не «привезли сбитую собаку», а именно «не так».

— Что за животное?

— Лиса. Настоящая дикая лиса. И молодой человек... странный. В дорогом костюме, но грязный. Настаивает, что только вы можете помочь.

Ханыль поставила чашку, надела халат и вышла в приёмный покой. Там, у стойки, стоял мужчина лет тридцати, в

элегантном тёмно-сером костюме, но с заметными пятнами грязи на обуви и брюках. В руках он держал переноску из грубого пластика, откуда раздавалось тихое поскуливание. Запах от переноски шёл странный: не просто звериный, а с примесью гари, металла и чего-то пряного, как жжёный имбирь.

— Вы доктор Кан? — спросил мужчина. Голос у него был мягкий, но напряжённый, как струна перед обрывом.

— Я. Проходите в смотровую, — она кивнула, не задавая лишних вопросов.

Мужчина аккуратно поставил переноску на смотровой стол и открыл дверцу. Изнутри высунулась узкая рыжая морда с чёрными ушками. Лиса. Настоящая, не домашняя. Но глаза... Глаза были слишком большими, слишком умными, и в них плескалась такая человеческая мука, что Ханыль на миг забыла о профессиональном хладнокровии.

Она надела перчатки, осторожно вытащила животное. Лиса была некрупной, но поджарой, как спортсмен. На задней лапе — рваная рана, уже загноившаяся, с запахом омертвевшей ткани. Ханыль поморщилась. Но что удивило её больше — по краям раны шли странные чёрные разводы, как от ожога, только не огнём, а чем-то другим. Кожа была словно оплавлена, но не пузырилась, а затвердевала, образуя коросту с серебристым отливом.

— Что с ней случилось? — спросила Ханыль, не отрывая взгляда от раны.

— Наступила в капкан. Браконьерский. Мы вытащили, но рана загноилась. В обычную клинику везти... проблематично. Вы же понимаете.

Ханыль не понимала, но кивнула. Ей было всё равно, куда пациент. Работа есть работа. Она начала обрабатывать рану, ловко срезая омертвевшие края скальпелем. Лиса тихо хныкала, но не пыталась укусить. Это было странно: дикие животные в стрессе обычно кусаются. А эта лиса смотрела на неё с такой благодарностью, что Ханыль почувствовала неловкость.

— Держите её, — бросила она мужчине. — Будет больно, она может дёрнуться.

Мужчина придержал лису за холку, что-то тихо зашептал. Ханыль не вслушивалась, сосредоточившись на работе. Но краем уха она уловила, что он говорит не на корейском. И не на английском. На том самом языке, который она старалась не замечать последние пятнадцать лет.

Она замерла на секунду, потом продолжила. Скальпель легко ходил по тканям. Наложила швы, обработала антисептиком. Лиса снова заскулила, и в этом скулеже Ханыль различила нечто вроде слов.

— Скажите ему, чтобы не смел трогать меня больше. Я сама виновата, но он не должен винить себя. И ещё... доктор, вы не могли бы не сообщать ему, что я умею говорить? Это будет наш маленький секрет.

Голос прозвучал у неё в голове отчётливо, как радиопере-

дача на соседней частоте. Женский, усталый, с хрипотцой. Лиса смотрела прямо на неё, и в глазах её светился разум.

Ханыль глубоко вдохнула, выдохнула и продолжила работать, не подав виду. Профессионализм взял верх над шоком. Она была хороша в этом: делать вид, что всё нормально, когда всё совсем не нормально.

Закончив перевязку, она ввела антибиотик, сделала обезболивающее и повернулась к мужчине.

— Рану я обработала, швы наложила. Нужен покой, смена повязок раз в два дня, антибиотики по схеме. Я выпишу. И ещё — никакой магии, если вы понимаете, о чём я.

Мужчина вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

— Простите?

— Рана не от капкана. Я видела раны от капканов. Это другое. Похоже на контакт с чем-то энергетически активным. Не буду спрашивать, что именно, но имейте в виду: если это повторится, лечить будет сложнее.

Мужчина побледнел, потом поклонился — низко, почти-тельно, как кланяются старейшинам.

— Спасибо, доктор. Я знал, что вы... что вы особенная. Мой дядя говорил о вас.

— Ваш дядя? — Ханыль вскинула бровь. — И кто же ваш дядя?

— Со Гым-Хо. Возможно, вы о нём не слышали. Но он слышал о вас. И он очень хотел бы познакомиться. Позвольте, я оставлю визитку.

Он протянул ей картонный прямоугольник. Ханыль машинально взяла. На визитке было выгравировано только имя — Со Гым-Хо, — и номер телефона. Ни должности, ни адреса. Только имя и цифры.

— Позвоните мне, если будут осложнения, — сказала она, пряча визитку в карман халата.

— Она поправится?

— Если будете соблюдать мои рекомендации — да. И не кормите её трюфелями. У них от этого запор.

Мужчина улыбнулся — впервые за время визита. Улыбка у него была приятная, но с каким-то неуловимым оттенком, как у человека, который привык улыбаться, чтобы не показывать зубы.

— Обязательно учту. И ещё, доктор... спасибо, что не задаёте лишних вопросов. Это ценное качество.

Когда он ушёл, унося переноску с лисой, Ханыль опустилась на стул в ординаторской и уставилась в потолок. В голове крутились обрывки: гоблин в сарае, лиса с человеческими глазами, дядя с визиткой, и Слышащая, которая теперь уже не может притворяться, что это нервное.

«Я не хочу быть особенной, — подумала она. — Я хочу, чтобы всё было скучно, как приём у проктолога. Но, кажется, кто-то наверху решил, что скука — это не для меня».

Она достала визитку, повертела в пальцах. Со Гым-Хо. Имя звучало как название старинного сорта чая. Или как шифр. Она спрятала визитку обратно.

Вечером, добравшись домой, она застала на крыльце знакомую площадку с рисом и на этот раз жареную рыбу. Ток-Су явно старался. Ханыль улыбнулась, подняла площадку и постучала в дверь сарая.

— Ток-Су, вы не знаете случайно, кто такой Со Гым-Хо?

Дверь приоткрылась. Гоблин выглянул, щурясь.

— О, вы уже познакомились с его семьёй? Быстро. Этот лис — большая шишка в нашем сообществе. Кумихо. Девятихвостый. Очень старый, очень хитрый, очень богатый. И, говорят, у него на вас большие планы, доктор Кан.

— Планы? — переспросила Ханыль, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Не волнуйтесь, он не ест людей. Уже давно. Предпочитает бизнес и благотворительность. Но любит, когда всё идёт по его правилам. А вы, как Слышащая, для него — ценный ресурс. Так что ждите гостей.

Ханыль постояла, переваривая услышанное. Потом усмехнулась, покачала головой и пошла в дом.

«Ценный ресурс, — подумала она, закрывая дверь. — Ну что ж, как говорил один умный человек: если вы не можете изменить ситуацию, измените своё отношение к ней. А если и это не помогает — берите с них оплату вперёд».

Она заварила себе чай, села к окну и уставилась на серую пелену дождя. Где-то там, в городе, живёт девятихвостый лис, который считает её ценной. А в сарае точит стамески гоблин, который помнит её отца. И всё это происхо-

дит в мире, где есть говорящие лисы.

Похоже, скучная жизнь закончилась.

Но об этом она подумает завтра. Сегодня у неё ещё есть чай, тарелка риса и ощущение, что она, возможно, сошла с ума. Или весь мир сошёл с ума, а она — единственный адекватный свидетель.

Второй вариант нравился ей больше. В нём хотя бы было меньше ответственности.

Глава 2

Утро, счета и незванный гость

Будильник сработал в 6:45, и Ханыль встретила его с тем же энтузиазмом, с каким дантист встречает пациента с запущенным пульпитом. Она села на кровати, не открывая глаз, и прислушалась к звукам дома. Тишина. Только где-то за стеной противно капает вода — капля за каплей, с интервалом в четыре секунды. Она мысленно поставила диагноз: либо подтекает труба под раковиной, либо это Ток-Су издевается. Второе было бы в его духе.

— Если это ты, гoblin, то знай: я не выпалась, у меня нет кофе, и моё человеколюбие закончилось вчера в 23:47, — пробормотала она, спуская ноги на пол.

Ответа не последовало, но капля продолжала падать. Ханыль открыла глаза, нащарила тапочки и поплелась в ванную. По пути она зацепилась взглядом за собственное отражение в зеркале старого шкафа и хмыкнула: «Выглядишь как человек, который платит ипотеку за квартиру, где живёт другой». Мысль про ипотеку возникла сама собой, как утренняя зубная боль.

Она умылась холодной водой, почистила зубы, стянула волосы в хвост. В голове, как несмазанная кассета, прокручивалась одна и та же фраза: «Со Гым-Хо». Имя это не давало покоя. Вчерашняя лиса, точнее её спутник, говорил так, буд-

то она уже должна была знать, кто это. А гоблин подтвердил: девятихвостый кумихо, старый, хитрый, богатый. И у него на неё планы. Какие планы могут быть у мифического лиса на ветеринара, у которого из активов — старый дом, потрепанная гордость и кредитный долг перед банком?

Ханыль заварила кофе — на этот раз нормальный, из турки, которую она всё-таки распаковала накануне вечером. Пока вода грелась, она открыла старый кухонный шкафчик, куда вчера засунула счета. Сверху лежало уведомление из банка.

«Ежемесячный платёж по ипотечному кредиту. Сумма... Срок... Проценты...»

Она пробежала глазами по строчкам и ухмыльнулась. Не потому, что сумма была смешной — она была скорее наглой, — а потому, что формулировка «жилой объект, переданный в пользование бывшего супруга» звучала как приговор. Ипотека. Кредит за квартиру в Сеуле, где теперь жил её бывший муж с новой женой и, кажется, двумя котами. Квартиру, которую они покупали вместе, вложив её накопления и его умение красиво говорить. После развода суд постановил, что квартира остаётся за ним, потому что он «инвестировал больше средств в её приобретение». А кредитный договор, оформленный на неё как на созаёмщика, остался. И теперь каждый месяц она платит за чужой комфорт. «Совместно нажитое» — это когда вместе наживают не только имущество, но и долги, но делят их почему-то не поровну.

Ханыль отхлебнула обжигающий кофе и хмыкнула.

— Знаешь, Ханыль, — сказала она себе, — если бы ты была чуть менее доверчивой, то сейчас бы жила в пентхаусе и пила бы кофе из фарфоровой чашки. Но ты дура. Признай это и иди дальше. Потому что самобичевание не покрывает банковский долг, а только добавляет морщин.

Она сунула счёт обратно в шкафчик, натянула рабочие брюки, рубашку, сверху — тёплый кардиган, потому что утро было промозглым. Вчерашний дождь оставил после себя лужи и запах прелых листьев. На улице, судя по свету за окном, солнце так и не решило, стоит ли ему выходить из-за туч.

Прежде чем уйти, Ханыль бросила взгляд в сторону сарая. Дверь была прикрыта, но из-под щели пробивался тусклый желтоватый свет. Она подошла ближе, прислушалась. Внутри кто-то мерно постукивал.

— Ток-Су, — выдохнула она. Стук был размеренный, как сердцебиение. Не дождавшись ничего необычного, она развернулась и пошла к калитке.

Но тут за её спиной раздался голос — неожиданно, вкрадчиво, как сквозняк из подпола:

— Доктор Кан, будьте осторожны. Сегодня у вас будет необычный день.

Ханыль замерла, не оборачиваясь.

— Ток-Су, ты опять подглядываешь? — спросила она.

— Я не подглядываю, я наблюдаю, — возразил гоблин,

выныривая откуда-то из-за кустов. Он был всё в том же синем комбинезоне, но сегодня на голове вместо налобной лампы красовался старый твидовый берет, из-под которого торчали рожки. В лапках он держал маленькую метёлку. — И наблюдение подсказывает, что к вам сегодня придут с предложением, от которого трудно отказаться.

— Ты говоришь как плохой актёр из гангстерского кино, — поморщилась Ханыль.

— Я говорю как существо, прожившее триста лет среди людей и выучившее их дурацкие клише, — парировал Ток-Су, подметая воображаемую пыль. — Но я серьёзно. Лис не оставит вас в покое. Он уже знает, что вы Слышащая. А Слышащие в нашем мире — редкость, как честный политик или неподдельная улыбка у стоматолога.

— И что мне делать? — поинтересовалась Ханыль, не оборачиваясь.

— Ничего. Просто будьте собой. И не подписывайте никаких бумаг, пока не прочитаете мелкий шрифт. А ещё лучше — не подписывайте вообще. Кто знает, что этот лис напишет в графе «цена контракта».

Ханыль фыркнула и вышла за калитку, не удостоив гоблина прощального слова. Она поймала себя на том, что почему-то верит ему. И это раздражало больше, чем сам факт существования мифических существ.

Автобус пришёл почти вовремя. Людей было меньше, чем вчера, но воздух внутри был таким же спёртым. Ханыль села

у окна и уставилась на город, проплывающий мимо. Серые дома, мокрые витрины, люди с зонтами, похожие на недо-вольных грибов. Она подумала о том, что раньше, до раз-вода, она ездила на работу на метро и всегда слушала пле-ер. Теперь плеера нет — бывший муж забрал в счёт «разде-ла имущества», хотя плеер был подарен ей ещё до свадьбы. «Мелочь, — сказала она себе, — зато ты больше не слуша-ешь его любимый джаз».

В клинике её ждало то же, что и всегда: госпожа Ю с рас-писанием, запах хлорки и ряды переносок. Первым пациен-том оказался мопс с отитом. Мопс храпел так, будто в его че-репе поселился маленький трактор. Ханыль осмотрела уши, выписала капли, велела хозяину не кормить собаку сладким. Вторым — волнистый попугай, которого хозяйка научила ругаться, а теперь не знала, как отучить. Ханыль посоветова-ла перестать ругаться самой. Хозяйка обиделась. Третий па-циент — кошка, которую сбила машина. Рентген (старый ап-парат, гудел как растревоженный улей) показал перелом зад-ней лапы. Пришлось накладывать шину. Кошка орала, Ха-ныль терпела.

К полудню она была голодна и зла. Госпожа Ю заглянула в ординаторскую с подносом, на котором стояла тарелка с кимчхи и рисом. Ханыль кивнула, не поблагодарив. Ей было не до вежливости. Она хотела, чтобы день закончился без сюрпризов, но внутри зрело предчувствие, что сегодняшний день скучным не будет.

В дверь постучали.

— Доктор Кан, к вам посетитель. Без записи. Говорит, что по личному вопросу.

Ханыль отложила палочки.

— Какой ещё посетитель?

— Пожилой мужчина. В очень дорогом пальто. С ним телохранитель. И ещё... — госпожа Ю понизила голос до шёпота. — С ним женщина. Очень красивая. Но какая-то странная. У неё зрачки вертикальные, как у кошки.

Ханыль вытерла рот салфеткой.

— Пусть подождут в отдельном кабинете. Я закончу обед.

— Но он настаивает на немедленной встрече.

— Пусть настаивает. Я не ела уже полдня. Даже если передо мной явится сам император династии Чосон, он подождёт, пока я доем свой рис.

Госпожа Ю удалилась, поджав губы. Ханыль медленно доела, запила чаем и надела свежий халат. Она знала, кто пришёл. И знала, чего он хочет. Вернее, не знала, но догадывалась. Пора было познакомиться с девятихвостым лисом лично.

Она вышла в коридор. У двери отдельного кабинета стоял здоровенный мужчина в тёмном костюме, похожий на шкаф с руками. Он посмотрел на неё, кивнул и открыл дверь, пропуская внутрь.

Кабинет был небольшим, с кушеткой, столом и несколькими стульями. На столе стояла чашка нетронутого чая. У

окна, спиной к ней, стоял мужчина. Он был невысок, но держался с таким достоинством, будто занимал собой всё пространство. На нём было длинное тёмно-серое пальто с воротником, какие носят старые аристократы, и лаковые туфли, сияющие, как полированные панцири черепах. Рядом, на стуле, сидела женщина. Ханыль увидела её и на мгновение забыла, как дышать.

Красива — не то слово. Она была из тех, кого называют «роковыми», хотя это слово давно истёрлось. Волосы — чёрные, блестящие, как мокрая смола. Кожа — фарфоровая, без единого изъяна. А глаза... Да, зрачки были вертикальными, как у змеи или кошки, но в остальном лицо казалось почти человеческим, только слишком правильным, слишком симметричным. Женщина улыбнулась, и улыбка её была холодной, как зимнее море.

— Доктор Кан, — произнёс мужчина, не оборачиваясь. Голос его был мягким, с лёгкой хрипотцой, как у старого рассказчика. — Я так долго ждал этой встречи, что уже начал сомневаться, не призрак ли вы.

Ханыль скрестила руки на груди.

— В нашем мире ипотечные призраки не бывают такими симпатичными. Вы, я полагаю, Со Гым-Хо?

Мужчина повернулся. Ему было, наверное, за семьдесят, но выглядел он так, словно время его боялось. Лицо — тонкое, с острыми скулами и лёгкой сетью морщин у глаз. Взгляд

— цепкий, умный, с той долей иронии, которая свойственна людям, успевшим разочароваться в человечестве, но не потерявшим к нему интерес. В уголке рта — тень улыбки.

— Верно. А это моя племянница, Со Ми-Хо. Она настояла на том, чтобы сопровождать меня. Говорит, ей интересно посмотреть на женщину, которая лечит ёкаев, не теряя при этом самообладания.

— Я лечу не ёкаев, а животных, — поправила Ханыль, садясь за стол. — И самообладание теряю только при виде неоплаченных счетов. Так что если у вас ко мне дело — говорите прямо. Я хирург, а не гадалка.

Со Гым-Хо усмехнулся и присел на стул напротив, закинув ногу на ногу. Движения его были плавными, как у большого хищника, умеющего экономить силу.

— Вы прямолинейны. Это хорошо. В нашем мире слишком много намёков и слишком мало сути. Я пришёл предложить вам работу.

Ханыль подняла бровь.

— У меня уже есть работа.

— Я знаю. Но, возможно, вам будет интересна ещё одна. Более... специфическая.

— И что же это за работа?

— Вы будете лечить не только собак и кошек. Вы будете лечить нас. Таких, как мы. И за это я готов платить вам сумму, которая покроет вашу ипотеку за три месяца, а за год позволит забыть о долгах.

Ханыль слушала, не меняя выражения лица. Внутри у неё всё сжалось, но внешне она осталась спокойной, как лужа в безветренный день.

— И почему вы решили, что я соглашусь? — спросила она.

— Потому что вы Слышащая. Потому что вы уже помогли моей родственнице, не задав лишних вопросов. Потому что вы не бежите от нас, а пытаетесь понять. И потому что вам нужны деньги, — последнее он произнёс почти ласково, как будто сочувствовал.

— Вы забыли упомянуть, что у вас есть информация о моей личной жизни, — сухо заметила Ханыль.

— Я никогда не забываю упомянуть о своей осведомлённости, — ответил лис, и в его глазах блеснуло что-то весёлое. — Я знаю о вашем разводе, о вашей ипотеке, о том, что ваши родители погибли, и о том, что вы до сих пор вините себя за то, что не были рядом в тот день. Я знаю, что вы носите дар, который считаете проклятием. И я знаю, что где-то в глубине души вам интересно, зачем вы понадобились мне.

Ханыль почувствовала, как к щекам приливает жар. Она ненавидела, когда её читают как открытую книгу.

— Значит, вы знаете обо мне всё. Тогда зачем спрашивать, соглашусь ли я? Может, просто приставить нож к горлу и покончить с этой комедией?

Со Гым-Хо рассмеялся — негромко, сдержанно, но искренне.

— Нож — это слишком грубо. Мы, кумихо, предпочитаем убеждение. К тому же, вы мне нужны не как рабыня, а как партнёр. Ваш талант — редкость. Ваш характер — ещё большая редкость. И ваше нежелание быть особенной — это то, что делает вас особенно ценной.

Ханыль молчала. Она смотрела на лиса, на его племянницу с кошачьими глазами, на телохранителя за дверью, и думала о том, что её жизнь, кажется, поворачивает туда, куда она не планировала.

— Сколько у меня времени на раздумья? — наконец спросила она.

— Три дня. Я оставлю вам свой адрес. Приходите, когда решите. Если не придёте — я пойму, и мы останемся добрыми знакомыми. Но учтите: консерваторы уже знают о вас. И они, в отличие от меня, могут предложить вам «работу», от которой вы не сможете отказаться.

Ханыль усмехнулась.

— Знаете, господин Со, вы говорите точно так же, как мой гоблин, только у него рога есть.

— Ток-Су? — лис поднял бровь. — Ах да, ваш домовой. Он неплохой мастер, но излишне тревожен. Передайте ему при случае, что я не причиню вам вреда. По крайней мере, до тех пор, пока вы сами этого не попросите.

Ханыль не нашлась что ответить. Лис поднялся, поправил воротник пальто.

— Я пришлю к вам вечером человека с документами, что-

бы вы могли ознакомиться с условиями. Не подписывайте ничего сразу. Прочитайте. Я знаю, что вы умеете читать мелкий шрифт.

Он слегка поклонился, бросил взгляд на племянницу, и они направились к выходу. У двери Со Гым-Хо обернулся:

— И да, доктор. Ваш бывший муж — идиот. Но вы это уже знаете.

С этими словами он вышел, оставив в кабинете запах жжёного имбиря и невысказанный вопрос.

Ханыль просидела в кабинете ещё минут десять, глядя в стену. Потом встала, поправила халат и пошла к своим пациентам. Ей нужно было вернуть себе контроль. Потому что если она не вернёт его сейчас, то позже будет поздно.

А вечером, дома, её уже ждал Ток-Су с плоской риса и очередным предостережением. Но это будет позже. Пока что у неё была работа, ипотека и три дня на раздумья. Что ж, как говорил один умный гоблин: «Никогда не подписывайте ничего, пока не прочитаете мелкий шрифт». Она запомнит.

На улице снова начался дождь. Ханыль смотрела, как капли стекают по стеклу, и думала о том, что даже в мире, полном мифических существ, ипотека остаётся самой скучной и неотвратимой магией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.